

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК: 343(470)

ББК: 67.408

К вопросу о соотношении обычно-правовых представлений русского крестьянства в уголовно-правовой сфере с нормами писаного уголовного права России XIX в.*

И.Н. Васев, К.А. Синкин

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

The Question of Correlation between Russian Peasantry's Conception of Customary Law in the Sphere of Criminal Law and the Rules of the Written Criminal Law in Russia in the 19th Century

I.N. Vasev, K.A. Sinkin

Altai State University (Barnaul, Russia)

Анализируется природа русской крестьянской общины как системообразующего элемента в истории отечественного государства и права. С разных сторон освещается феномен преступления в русском обычном праве. Преступление определяется как нарушение нормы религиозно-правового характера, как посягательство на права Бога. На основе содержания Декалога предлагается следующая структура «особенной части» обычного уголовного права России: преступления против веры, против родительской власти, преступления против жизни, против брака и семьи, преступления корыстной направленности, преступления против правосудия. Убийство, с точки зрения общественной опасности, не занимало первого места в списке преступлений. Волостной суд настойчиво отказывался рассматривать дела об убийстве как неподведомственные ему. Наиболее общественно опасным преступлением выступало посягательство на веру и Церковь. На примерах из практики крестьянских судов устанавливается, что кража, совершенная из нужды, не подпадала под определение преступления. Статья завершается выводом о принципиальном несовпадении

The article analyses the nature of a Russian peasant community as a system forming element in the history of the home state and national law. The phenomenon of crime in the Russian customary law is considered from different points of view. A crime is defined as violation of a rule of the religious law, as an infringement of the God's rights. Based on the contents of the Decalogue, the article offers the following structure of the "special part" of the customary criminal law in Russia: crimes against faith, crimes against parents' power, crimes against life, crimes against marriage and family, crimes committed for mercenary motives and crimes against justice. From the point of view of social danger, murder was not in the first line of the crime list. Township courts firmly refused to consider murder cases as those beyond their jurisdiction. The most socially dangerous crime was offence against the Church and faith. The practice of peasant courts determines that a theft committed on account of penury did not come within the definition of a crime. Finally, the article makes a conclusion on the fundamental discrepancy between the system of the written criminal law of the Empire and the Russian

---

* Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 17-03-00007 «Обычное право русской крестьянской общины».

нии системы писаного уголовного права Империи с обычно-правовыми представлениями русского крестьянства в уголовно-правовой сфере.

Ключевые слова: обычное право, русская крестьянская община, преступление и наказание, национальная правовая культура, правопонимание.

DOI 10.14258/izvasu(2018)3-01

Ст. 1 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. устанавливала: «Всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей, или же на права или безопасность общества или частных лиц, есть преступление» [1]. Т.е. российское дореволюционное законодательство вполне в русле общеевропейской абсолютистской традиции понимало под правонарушением прежде всего нарушение нормы права (законодательной воли суверена) безотносительно к реальной общественной опасности деяния. В связи с этим система особенной части Уложения выстраивалась, при явном преобладании публичного интереса, в следующей последовательности: преступления против веры, государственные преступления, против порядка управления, по службе, против доходов казны, против жизни, прав семейственных и пр.

Совершенно иного взгляда на преступление и сферу уголовного придерживалось крестьянское обычное право. Казалось бы, в самом важном — понимании *преступления* как пересечения границы дозволенного, как выхода *за-кон* (за закон) — народное право вполне было согласно позитивному. Только под законом крестьянство разумело не позитивный закон в современном смысле этого слова, а прежде всего Закон Божий, концентрированным воплощением которого является Декалог (Десять заповедей) Ветхого Завета. Такой Закон с необходимостью увязывает преступление с понятием греха: «Той частью права, на которой у всех народов на известной ступени их развития обнаруживается влияние религии в совершенно особенно высокой степени, является уголовное право... Оба основные понятия уголовного права, преступление и наказание, представляются древнейшему времени в свете религиозного понимания; а именно преступление — как грех против божества, наказание — как средство очищения» [2, с. 236].

Свод Законов Российской Империи крестьянству был малоизвестен и неинтересен. Составляя в народонаселении Империи подавляющее большинство, крестьяне в течение всей своей жизни пребывали в оболочке родного им обычного право-порядка. А потому христианский взгляд на преступление как на грех, как на посягательство на права

peasantry's conception of customary law in the sphere of criminal law.

Key words: customary law, Russian peasant community, crime and punishment, national legal culture, legal consciousness.

Бога вполне преобладал. Это коренным образом меняет привычную нам систему уголовного права, так как «понятие греха, установленное православными нравственными нормами, гораздо шире, чем представление светского права о преступлениях» [3].

Исходя из структуры Декалога, можно следующим образом представить себе «особенную часть» обычного уголовного права России: преступления против веры, против родительской власти, преступления против жизни, против брака и семьи, преступления корыстной направленности, преступления против правосудия. Выяснение своеобразия каждого из этих институтов потребует от нас обращения к практике волостных судов второй половины XIX в.

Так, убийство вовсе не венчало собою здание народного уголовного права. Безусловно, лишение жизни другого человека — Божьего создания — было немислимо. Речь шла не только о жизни одного убитого, но и о загубленных жизнях еще не рожденных им потомков. В этом смысле любое убийство понималось крестьянами так, как если бы кто-то посягнул на первочеловека — Адама, что привело бы к пресечению всего человеческого рода. Убийство одного есть одновременно и убийство всех. В силу этого же принципа убийца «убивал» и самого себя, умерщвляя в себе образ Бога. Самоубийца в равной степени совершал данное преступление, так как весь человеческий род с его смертью умался.

Такой подход к убийству не допускал «человеческого» суда над ним. Крестьяне всячески избегали судить убийц, отговариваясь своей неполномочностью, например: «*Волостной суд слушал объявление крестьянки С., что 17 числа текущего месяца, проходя через брод воды, находившийся в огороде крестьянина С., где и дорожка имеется, куда многие люди проходили, минув огород его, уже вступила в свой огород, где внезапно схватил ее С. и потащил ее обратно в воду, говоря: ось я тебя побреду, тут тебя утоплю! и втащил ее в воду по поясницу и усиливался повалить ее в таковую, но она крепко держалась за него*» [4, с. 424]. Поступок крестьянина был вызван тем, что крестьянка прошла в его огороде через посеянную рожь. Крестьянке С. удалось вырваться и убежать. «*Суд, рассмотрев обстоятельства сего дела, находит, что проступок С.*

сопряжен с уголовным преступлением, и потому, применяясь к ст. 101 *Общего Положения, постановил: дело это передать рассмотрению общих судебных мест*» [4, с. 425]. Нарушение Божьего права и должен судить сам Бог, а не человек. В крайнем случае, это бремя могут принять на себя государевы люди.

Но крестьянское право подчас допусало и искупление убийства без обращения к публичной власти. В образах народного суда неизменно проступает одна и та же идея — идея справедливости. Причем справедливости в ее «неразбавленном» виде. Социальное возмущение, привнесенное в общину «преступником», должно быть зеркально отражено. Это принцип «око за око, зуб за зуб» (принцип талиона) в его первозданном виде. Зло, которое принес с собой преступник, должно быть возмещено ему/им, перенесено на него вновь. Речь идет именно о возмещении, а не о мести. Поэтому у крестьян мы и встречаем упоминание об обычае, согласно которому убийца замещал собою убитого, то есть переходил в дом/ семью убитого, поступал в новый род, перерождался. Об аналогичном же обычае свидетельствовал и Н. Дювернуа: «Обычай, замеченный нами в московской практике, — возлагать на убийцу тяжесть очищения души убитого от долгов» [5, с. 304].

Но такой взгляд на убийство вовсе не порождал идеи абсолютного непротивления насилию: крестьянам вполне был известен институт необходимой обороны. Причем условия и пределы обороны понимались ими крайне своеобразно. Например, в порядке самосуда традиционно лишались жизни поджигатели и конокрады. Акт осуждения их на смерть выносился, а наказание претворялось усилиями всей общины. «Все усилия полиции выяснить обстоятельства произошедшего, найти преступника, как правило, были безрезультатны. Определить виновного было весьма затруднительно, по причине того, что на все вопросы следователя крестьяне неизменно отвечали, что «били всем миром», или говорили: «Да мы легонько его, только поучить хотели. Это он больше с испугу умер» [6, с. 153]. Такое отношение к конокрадам (ворам в целом), поджигателям объясняется тем, что утрата крестьянином лошади или жилища лишали его «живота», средств к существованию, жизни. Не только обокраденный крестьянин, но и вся его семья ставилась под угрозу вымирания от голода. «Потерпевший рассматривал кражу его зерна или его коня как покушение на него самого вопреки официальной трактовке такого рода преступлений уголовным кодексом» [6, с. 153]. А потому посягательство на «живот» (животина, жилище, дом, жизнь) могло быть зеркально искуплено только жизнью. «Единственное, что могло спасти конокрада или поджигателя от смерти, — это самооговор в убийстве. По юридическим обычаям, крестьяне считали себя не вправе судить за грех

(т.е. убийство) и передавали задержанного в руки властей» [6, с. 157].

На первом же месте с точки зрения понимаемой по-крестьянски «общественной опасности» стояли преступления против веры. Как на потерянном для общества человека крестьяне смотрели на богохульника, церковного вора или поджигателя церковных строений. Даже если община знала точно, кто украл из храмовой кассы, она не бралась судить его своими силами. Суд над этим человеком принадлежал только Богу. Отсюда и именование церковных преступников как «несчастных» (не-счастью) в смысле отпавших от крестьянской общины, утративших человеческий облик, поставивших себя вне человеческого суда. С.Л. Чудновский писал: «Уголовный закон радикально и, так сказать, принципиально расходится с обычным воззрением народа в основном отношении к преступлению и преступнику: в то время как уголовный закон в преступнике видит «злую волю», сознательно стремящуюся нанести вред целому обществу и отдельным его членам, обычное мировоззрение видит в преступнике главным образом «несчастливого», жертву несчастно сложившихся обстоятельств. Первый исходит из того, что общество не только вправе, но и обязано карать преступника, отомстить ему за содеянное преступление, народ же в своем обычно-правовом мировоззрении полагает... не столько карать его, сколько исправлять и наставлять» [7].

Отдельную группу преступлений образует непочтение к родителям со стороны детей (таковым статусом наделялись и супруги детей). Как правило, волостной суд крайне строго наказывал данное правонарушение (в отношении сыновей — розгами и арестом, в отношении дочерей — арестом): «*Волостной Суд, выслушав объяснение крестьян В., жены его Н. и снохи их Б., находит Б. виновною в самовольной уходе из дома замужества в доме родителей, в обзвании свекрови неприличными словами, потому что ни один родитель не согласится оклеветать напрасно своих детей, а потому... постановил: крестьянку Б. подвергнуть аресту на двое суток и после того водворить в дом замужества*» [8, с. 170].

Крестьянское обычное право замечательно своим оригинальным сочетанием публичного и частного интереса, когда частная воля лица, будучи учтенной, существенно видоизменяла публичный интерес по наказанию правонарушителя. Например, типического же наказания розгами мы должны были ожидать в следующем случае: отставной солдат выразил непочтение своей матери. Но важно, что такое страшное, по терминологии крестьян, преступление вследствие прощения матери и нежелания ее наказания для сына повлекло за собой лишь «в отклонении его на будущее время от подобных поступков... строгое замечание с запискою в штрафную книгу»

[9, с. 65–66]. В понятиях современного права — преступление преобразуется в проступок в силу материнского прощения, примирения с потерпевшим.

К числу преступлений против брака и семьи могут быть отнесены посягательство на целостность семьи, разложение семьи и прелюбодеяние. Изначально народное право понимало под прелюбодеянием лишь внебрачные отношения с замужней/замужним. Связь с незамужним любовником (блуд) преступления не составляла, так как прелюбодеяние требовало уничтожения чужой семьи/брака (потерпевшим оказывался невинный супруг в таком браке). Но по мере все более полного усвоения крестьянами христианского взгляда на брак блуд сравнивается с прелюбодеянием.

На изнасилование же крестьянское право подчас смотрело как на гражданское или административное правонарушение. Совершенно не зря проф. И.Я. Фойницкий в «Программе для собирания народных юридических обычаев: уголовное право» задавал вопрос: «Не замечается ли в вашей местности частных сделок между виновным в преступлении и потерпевшим, с целью примирения или оставления дела без судебного разбора? Если замечаются, то в каких преступлениях они допускаются, в чью пользу идет выкуп, как он называется народом, и как смотрит народ на того, кто, получив выкуп, станет судиться?» [10 с. 5]. Если изнасилование не было сопряжено с квалифицирующими обстоятельствами, то, как правило, волостной суд постановлял наказать виновного «за блудную жизнь» розгами и обязать возместить потерпевшей стороне бесчестье: *«Вследствие предписания Г. Пристава Таращанского уезда, за №1443, были вызваны в волостное правление волостные судьи, которым была объявлена жалоба крестьянской девицы Н.Г. на крестьянина Н.К., об изнасиловании ее. По заслушивании означенной жалобы приговорили: за сей проступок взыскать с К. в пользу Г. 24 руб. серебром и 1 руб. — в мирскую сумму штрафа»* [4, с. 69].

Точно по той же логике народное право решительно отказывалось видеть в простой краже лишь посягательство на публичные интересы. Практика волостных судов буквально пестрит указаниями на примирение сторон по делам о краже, на прощение одной стороной другой.

Народное право различало кражу и пользование чужой вещью из необходимости. «К праву собственности на те земельные продукты, которые произведены трудом человека, крестьяне относятся с уважением почти религиозным. Кража скошенного сена на лугу, хлеба на поле, хотя никто их не сторожит, вещь совсем исключительная, покрывающая виновника вечным позором... Существуют оригинальные обычаи, имеющие целью примирить факт настоятельной необходимости нарушить право собствен-

ности с крайним уважением, которое обнаруживает крестьянство по отношению к этому праву. Вот некоторые примеры...: если путнику понадобится в дороге корм для лошади, он берет сено из первого попавшегося зарода, но непременно кладет в зарод деньги, соответственно стоимости сена... В неурожайные годы, когда бедняки находятся в совсем безвыходном положении — купить хлеба не на что, занять не у кого, — они прибегают к самовольному, так сказать, займу у богатых. Из хлеба, который житочные держат необмолоченным в степи на току, вдруг исчезает несколько копен, взятых неизвестно кем, а на другой или даже на третий год, при урожае, хлеб привозится опять, всегда 2–3 копами больше, чем было взято, и складывается на том же самом месте» [11, с. 144].

Мы видим перед собой простое и неподдельное восприятие русским крестьянином имущественного вопроса. Земледелец находил себя в отношениях с материальным миром не в роли хозяина, а в роли благодарного временного пользователя. Единственным средством оправдания материального благосостояния был честный труд. Крестьянская община не через принуждение, а на уровне правового убеждения в корне исключала возможность корыстоования за счет других. По той же причине кража овощей и фруктов для непосредственного потребления не рассматривалась как кража. Именно об этом старая пословица: «Репа да горох сеются для воров».

Преступление лжесвидетельства вовсе не понималось крестьянами как недопущение всяческой лжи. Напротив, бытовая ложь — при продаже плохого товара, при общении с помещиком, в суде — не только допускалась, но порой и приветствовалась. Для крестьян религиозно заповеданной была именно ложь, направленная против Бога. Например, ложное свидетельствование об отсутствии другого брака в церкви во время венчания, ложное свидетельствование о родителе, о совершенном убийстве.

Десять заповедей, таким образом, в правосознании крестьянина проводили ту черту, преступление которой ни при каких условиях не допускается. Мы имеем дело с безусловными установлениями, в отношении которых не действуют никакие оговорки. Наивно полагать, что современное светское уголовное право вобрало в себя все лучшее из христианского Закона, и по-прежнему, пусть и без ссылки на Бога, а во имя человека (ст. 2 Конституции РФ 1993 г. предполагает, что последнее слово мы также должны писать с большой буквы), запрещает убивать, красть, лжесвидетельствовать. Но это вовсе не так. Например, ст. 37 УК РФ, формулируя пределы необходимой обороны, дозволяет причинять равноценный посягательству вред жизни и здоровью нападающего [12]. Но она ничего не говорит о до-

пустимости необходимой обороны в отношении посягающего, заведомо не достигшего возраста 14 лет, или же в отношении заведомо недееспособного/невменяемого лица (оба они не являются субъектами преступления, а потому совершить убийства и пр. в принципе не могут). Как поступить судье, установившему, что приступившее к необходимой обороне лицо имело реальную возможность уклониться от столкновения и попросту убежать от посягающего? Современная судебная практика отвечает на этот вопрос в том смысле, что такая «не-необходимая» оборона, тем не менее, вполне согласуется с УК РФ. Т.е. лицо, имевшее возможность избежать лишения жизни нападавшего, но все же приступившее к необходимой обороне, действует в рамках ст. 37 УК РФ. Мы видим, что ранее безусловный запрет на убийство в современном светском законодательстве становится условным. «Исключение понятия

греха из юриспруденции не просто затруднило, а закрыло путь к пониманию правонарушения и юридической ответственности» [13, с. 13].

Итак, преобладающий сегодня подход к определению преступления через его общественную опасность в определенном смысле приложим и к обычно-праву русских крестьян. С той только оговоркой, что общественная опасность преступления определялась в народном праве характером нарушаемого религиозного запрета. Именно поэтому, вопреки логике современного индивидуализированного в духе буржуазных революций Западной Европы права, побои относились крестьянами к малозначительным проступкам, посягавшим даже не на здоровье человека, а на его достоинство. А, напротив, прелюбодеяние, которое современное семейное право высокомерно не удостоивает своего внимания, расценивалось как преступление.

Библиографический список

1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. — СПб., 1845. [Электронный ресурс]. — URL: <http://search.rsl.ru/ru/record/01002889696> (дата обращения: 09.07.2017).
2. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. — СПб., 1875.
3. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви 2000 г. [Электронный ресурс]. — URL: http://fond-inok.ru/files/socialnaya_koncepciya_rpc.pdf (дата обращения: 19.01.2018).
4. Труды комиссии по преобразованию волостных судов. — Т.5. Киевская и Екатеринославская губернии. — СПб., 1874.
5. Дювернуа Н. Источники права и суд в древней России. — М., 1869.
6. Безгин В.Б. Крестьянский самосуд и семейная расправа (насилие в жизни русской деревни конца XIX — начала XX в.) // Вопросы истории. — 2005. — № 3.
7. Чудновский С.Л. Очерки народного юридического быта Алтайского горного округа // Русское богатство. — 1894. — № 7, 8.
8. Труды комиссии по преобразованию волостных судов. — Т.2. Владимирская и Московская губернии. — СПб., 1873.
9. Труды комиссии по преобразованию волостных судов. — Т.1. Тамбовская губерния. — СПб., 1873.
10. Фойницкий И.Я. Программа для собирания народных юридических обычаев: уголов. право. — СПб., 1878.
11. Ефименко А.Я. Исследования народной жизни: обычное право. — М., 2011.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
13. Сорокин В.В. Юридическая ответственность: между буквой закона и духом права. — Барнаул, 2017.